

на челне через реку и который так «находчиво» ему организовал экипаж. Третий эпизод (исправник и конка) в «Обеде у губернатора» отсутствует. Как утверждает Л. Любимов, все три эпизода записаны «со слов» его отца.⁵ Возможно, именно для этого, «третьего», эпизода непосредственным источником послужил устный рассказ Д. Н. Любимова.

Достаточно сличить хотя бы некоторые отрывки из двух опубликованных рассказов, чтобы увидеть их близость.⁶

«Обед у губернатора»

«Эпиграф к рассказу»

«Нет положения хуже губернаторского».

Поговорка.

...И несмотря на постоянные поездки в Петроград вице-губернатора, человека молодого и предприимчивого, ездившего, как всем было известно, с целью интриговать против губернатора, не было оснований думать, что они скоро его оставят. Правда, не проходило недели, чтобы Дмитрий Николаевич не получал шпилек из министерства. Казалось, будто все пятнадцать начальников отдельных частей министерства, сговорившись, ополчились на него. Все они непрерывно требовали секретно и срочно различных объяснений для доклада министру. Со стороны казалось, что министру только дела, что заниматься Дмитрием Николаевичем (стр. 8).

Дело заключалось в том, что командующий войсками военного округа, скуравший бездействием, вздумал, как аккуратный немец, пунктуально исследовать дорогу, по которой в 1812 году шел Наполеон, дабы собрать новые данные к предстоящему столетию двенадцатого года. В соседней губернии ему это совершенно не удалось; никто не мог точно указать места стоянок французов, дома, где останавливался Наполеон, дороги, по коим шла армия. Вся надежда генерала была на губернию Дмитрия Николаевича. Он нарочно к нему заезжал, чтобы это сказать, горько жалуясь на халатное отношение администрации соседней губернии (стр. 25—26).

«Тень Наполеона»

И все-таки не было дня, чтобы я, схватившись за волосы, не готов был кричать о том, что мое положение хуже губернаторского. И только потому не кричал, что сам был губернатором (стр. 718).

А оттуда, сверху, из Петербурга, с каждой почтой шли предписания, проекты, административные изобретения, маниловские химеры, ноздревские планы. И весь этот чиновничий бред направлялся под мою строжайшую ответственность (стр. 718).

Но вот, теперь о бутафории. Настал 1912 год, и, стало быть, на двадцать шестое августа приходилась столетняя годовщина славного Бородинского боя. Нам, губернаторам, было уже заранее известно, что в высших сферах решили праздновать этот великий день на месте сражения и с наипущим торжеством. Это бы еще ничего и даже скорее возвышенно и патриотично. Но я знал, что там, наверху, всегда обязательно перестараятся. Так оно и случилось.

Какой-то быстрый государственный ум подал внезапную мысль: собрать на бородинских позициях возможно большее количество ветеранов, принимавших участие в приснопамятном сражении, а также просто древних старожил, которые имели случай видеть Наполеона.

Проект это был во всяком случае не хуже и не лучше такого, например, проекта, как завести ананасные плантации в Костромской губернии. Известно, бумага все терпит. Ведь бородинскому ветерану-то надлежало бы иметь по крайней мере сто двадцать лет. Однако в Петербурге выдумка эта была принята с живейшим удовлетворением.

⁵ «Русская литература», 1961, № 4, стр. 165.

⁶ Рассказ Куприна цитируется по изданию: А. И. Куприн, Собрание сочинений в шести томах, т. V, Гослитиздат, М., 1958; рассказ Д. Н. Любимова — по кн.: Варфоломей Кочнев. Обед у губернатора. Пгр., 1916, 56 стр.